

RU

Вольный Дон как фронтир: динамика образа героя

Кузнецова А. В., Серкина М. А.

Аннотация. Цель исследования – обоснование эволюции героя в условиях реализации феномена фронта. На материале романа Д. И. Петрова (Бирюка) «Кондрат Булавин» выявлены идейно-тематические основания динамики образа героя фронта, определены характеристики персонажа, являющиеся следствием его развития в художественном пространстве, основанием которого выступает архетипическая оппозиция «свой – чужой». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые концепция фронта проецируется на региональную (донскую) литературу: «порубежье», образованное фронтиром, демонстрирует значимые культурологические, исторические, социально-психологические аспекты такого пространства. Представляется важным изучение донской литературы в координатах столкновения «своего» и «чужого», постоянных контактов различных культур и этносов, поэтому художественное пространство Вольного Дона характеризуется национально-культурными особенностями и становится ареной значимых исторических событий. В результате установлено, что феномен фронта, находящий воплощение в художественном пространстве, особым образом определяет развитие образа героя: главный герой романа «Кондрат Булавин» постепенно отказывается от индивидуальных целей и достижения благ своей общины и стремится к достижению высших идеалов свободы и равенства.

EN

The Free Don as a frontier: dynamics of the protagonist's image

A. V. Kuznetsova, M. A. Serkina

Abstract. The research aims to substantiate the evolution of the protagonist within the framework of the frontier phenomenon. Based on the novel “Kondrat Bulavin” by D. I. Petrov (Biryuk), the study identifies the ideological and thematic foundations of the dynamics of the frontier hero's image and determines the character traits that result from his development within a fictional space grounded in the archetypal “Self/Other” opposition. The scientific originality of the study lies in the fact that, for the first time, the frontier concept is projected onto regional (Don) literature: the “borderland” formed by the frontier demonstrates significant culturological, historical, and socio-psychological aspects of such a space. The study emphasizes the importance of analyzing Don literature within the coordinates of the clash between “Self” and “Other” and the constant contact between various cultures and ethnicities. Consequently, the fictional space of the Free Don is characterized by national-cultural specificities and serves as an arena for major historical events. The results establish that the frontier phenomenon, as embodied in the fictional space, uniquely determines the evolution of the protagonist: the main character of the novel “Kondrat Bulavin” gradually abandons individual goals and the pursuit of communal benefits to strive for the higher ideals of freedom and equality.

Введение

В современной гуманитарной научной парадигме понятие *фронтир*, характеризующееся обоснованной познавательной ценностью, исследуется в различных аспектах: закономерно обращение к этому понятию в сфере философии, истории, социологии, филологии. Термин *фронтир* (от англ. frontier ‘рубеж, граница’) был предложен Ф. Дж. Тернером для обозначения точки (территории, границы) схождения «дикости» и «цивилизации», что обусловило междисциплинарность фронтирных исследований на основании семантического сдвига в самом понятии: конкретно-историческая локальная отнесенность фронта постепенно смещается в сторону универсального конструкта научного знания (Тюрин, 2018; Шиловский, 2021; Басалаева, 2012а; 2012б).

Методология анализа феномена фронта при всей его популярности все еще недостаточно обоснована, на что указывает И. П. Басалаева, подчеркивая необходимость нарратологического анализа «существующего

массива текстов (от исторических документов до литературных произведений, биографики, пейзажной живописи, кинематографических произведений и т. п.), то есть суммарной репрезентации образа территории» (2012b, с. 27).

Изучение рецепции феномена фронта художественной словесностью актуально для современного литературоведения: художественный текст отражает объективные исторические процессы в антропоцентрическом ракурсе, что позволяет непротиворечиво описывать влияние ментального образа фронта не только на индивидуально-авторское мировидение, но и на национальную картину мира и, как следствие, на художественные особенности национальной литературы. Обоснование методологического статуса феномена фронта в современной науке о литературе важно, прежде всего, для исследований в сфере геоэтики (Иванова, 2015), осмысливающей проблематику «человек в пространстве», что закономерно актуализирует интерес к региональной литературе (Александрова-Осокина, 2020). Актуальность исследования обуславливается необходимостью осмысления роли воссоздаваемого в художественном мире пространства фронта как необходимого условия для динамичного развития характера героя и разнопланового представления его образа. Современное литературоведение обращается к изучению концептуальных доминант национальных и региональных литератур, при этом такие опорные «точки» принимают наиболее выраженную форму в условиях столкновения с инаковостью, в «порубежном» сосуществовании с кодами чужой культуры. В изучении донской литературы такой ракурс актуальности усиливается особым пониманием идеи гражданского служения казачества, трактуемого как служение Богу и родине, однако эта идея зачастую вступает в конфликт с необходимостью служения конкретной форме государственности.

Феномен фронта формируется и развивается в условиях «порубежья», которое является одним из условий становления человека и общества, аккумулируя факторы, способствующие выявлению на индивидуальном и социальном уровнях креативности и витальности. А. П. Забияко указывает в этой связи: «Свойства, присущие состоянию контактного поля, не являются результатом простого суммирования свойств контактирующих объектов. В контактном поле образуются новые свойства, рожденные синтезом свойств контактирующих объектов в условиях взаимодействия» (2016, с. 26).

Для разработки теоретико-методологического аппарата концепции фронта в литературоведении особое значение приобретает понятие границы, обоснованию которой посвящает свои работы Ю. М. Лотман, причем в его трактовке очевидна проекция границы на фронт как пространственный и семиотический феномен: «Граница би- и полилингвистична. Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык “нашей”, место трансформации “внешнего” во “внутреннее”, это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными» (2017, с. 26).

Задачи исследования состоят в систематизации признаков фронта в отношении категории художественного пространства и героя в нем; в выявлении определяющих для региональной (донской) литературы идейно-тематических блоков, в рамках которых происходит эволюция образа героя фронта; в определении характеристик героя, обуславливаемых его развитием в пространстве фронта.

Методы исследования включают сравнительно-сопоставительный и типологический методы, дедуктивно-индуктивный метод, применявшиеся для выявления и систематизации признаков фронта в отечественной литературе в целом и донской литературе в частности; метод анализа и синтеза, филологическую интерпретацию, примененные в процессе установления идейно-тематических компонентов художественного мира романа «Кондрат Булавин», в координатах которых происходит динамическое развитие образа героя-фронтирмена; системный литературоведческий анализ использован для выявления и описания характеристик образа главного героя романа Д. И. Петрова (Бирюка).

Выбор материала исследования – романа Д. И. Петрова (Бирюка) «Кондрат Булавин» (первое издание в 1951 году) – обусловлен обращением писателя к раскрытию характера героя как незаурядной личности в контексте значимых в русской истории событий, обнаруживающих мотив границы в эволюции героя, который, к тому же, действует на территории, являющейся южнорусским фронтиром. В качестве дополнительных источников исследования привлекались публикации о творческом пути Д. И. Петрова (Бирюка) (Аматуни, 1960; Трофимов, 1976).

Теоретическую базу исследования составляют постулаты концепции фронта, обоснованные в гуманитарных науках в целом (Аникин, 2020; Панарина, 2011; Побережников, 2020; Подлесная, Шевченко, 2024), а также в фундаментальных работах, посвященных реализации признаков фронта и воплощения образа героя-фронтирмена в художественной словесности (Ващенко, 1999; Уракова, 2019; *The Frontier in American Literature*, 1969), в том числе в отечественной литературе и публицистике (Александрова-Осокина, 2023; Васильева, 2025a; 2025b; Карпухина, 2020; Коломейцева, Команджаев, 2022). Особое значение имеют литературоведческие исследования, посвященные роману Д. И. Петрова (Бирюка) «Кондрат Булавин» (Александров, 1948; Тумилевич, 1961).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в вузовском курсе «Литературное краеведение», спецкурсах и спецсеминарах по проблематике изучения донской литературы, творчества Д. И. Петрова (Бирюка), исторической прозы советского периода развития отечественной литературы, при написании курсовых и выпускных квалификационных работ по специальностям «Отечественная филология», «Педагогическое образование», а также в преподавании регионального компонента программы по литературе в средней общеобразовательной школе.

Обсуждение и результаты

В художественной литературе территория фронта воплощается в тексте посредством категории художественного пространства, которая представлена рядом пространственных моделей. Среди таких моделей стоит особо выделить те, которые акцентируют пространственные координаты, обуславливаемые национальной историей, культурой и языком (в его стилистических проявлениях). Художественный модус границы представляется в этой связи наиболее важным, поэтому мир, описываемый в художественных произведениях, организован как пространство, каким-либо образом отграниченное, что обуславливает включение в сферу изучения архетипической оппозиции «свой – чужой». Отметим также, что для «порубежья», которое образовано фронтиром, характерна манифестация культурологических, исторических, социально-психологических граней этого пространства.

Изучение фронта изначально начинает развиваться именно в гуманитаристике США. Историк Фредерик Джексон Тернер (Frederick Jackson Turner, 1861-1932) в 1893 году на открытии Всемирной выставки в Чикаго произносит речь «Роль фронта в американской истории» (“The Significance of the Frontier in American History”), акцентируя уникальный американский исторический опыт, интерпретированный через аспекты феномена фронта. Эта речь стала основой классической в американской историографии фундаментальной работы, которая одновременно является и культурным манифестом: фронт объявляется определяющим фактором американской самобытности, который обуславливает «переплавку» европейского материала в американский, формируя культурные коды и, как следствие, американский национальный характер, а также задает векторы развития американской демократии. Особый интерес представляют исследования в сфере американской литературы: «На всем пути развития американская литература не подвергала сомнению лишь один факт, связанный с фронтиром: непреходящего значения “пограничье” в судьбе страны. В процессе ее становления состоялось самое важное открытие множества человеческих судеб, простых и часто безымянных, сделавших наследие фронта достоянием нации, ставших материалом для вечных образов и характеров. Каждый период американской истории вносил существенный вклад в понимание феномена “пограничья”, поскольку был нераздельно с ним связан» (Ващенко, 1999, с. 374).

Длительное время феномен «пограничья» / фронта / порубежья обуславливает функционирование мифа о ценности личности и ее независимости, о возможностях и альтернативах жизненного пути индивида, о его «стремлении к счастью». Исследователи указывают на образ «нового Адама», который возникает еще во времена первых пуританских колоний, что впоследствии, вплоть до конца XIX в., позволяет практически утверждать библейский провиденциализм (Ващенко, 1999). Именно с этих позиций изучается классика литературы США – произведения В. Ирвинга, Ф. Купера, Х. Миллера, У. Уитмена, М. Твена, О. Генри и др. (The Frontier in American Literature, 1969; Синельникова, 2020).

В русской литературе разных исторических периодов получает актуализацию феномен фронта, прежде всего в случаях, когда писатель обращается к культуре, обычаям, мифам и образам инокультурного происхождения (и в этом случае получает реализацию со- и противопоставление «своего» и «чужого»): таковы сибирский миф и фронтальный тип личности в творчестве А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. П. Астафьева, кавказский фронт в творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Отметим также, что проблематика фронта реализована и в тех литературных произведениях, в которых, на первый взгляд, речь не идет об освоении новых географических пространств, но говорится о человеке на перепутье, на изломе, в ситуации столкновения различных культурных пространств. Их также правомерно причислить к случаям реализации феномена фронта: такова, например, проза В. Шукшина, в которой рассматривается маргинальная личность в ее пограничном положении, городской уклад жизни противопоставлен деревенскому, с которым герой часто порывает.

Художественное пространство в литературе является носителем культурных кодов, национально-значимых смыслов, ценностей и норм, поэтому можно с уверенностью утверждать, что события и действующий в этой событийности герой во многом обуславливаются той пространственной моделью, которая представлена в творчестве конкретного автора и/или литературном произведении. Сама по себе проблематика *Пространство и Герой* представляет собой один из важнейших аспектов поэтики фронта, а характеристики образа персонажа определяются замкнутостью или открытостью, сжатостью или растяжимостью, проспективностью или ретроспективностью пространства.

Очевидно, что к общенаучной трактовке фронта, в том числе и в узком его понимании (как чужое пространство, осваиваемое/завоевываемое нацией, и образ героя, развивающийся в таком пространстве), наиболее близки различные аспекты существования тех территорий, которые исторически находились на окраине Российского государства и закономерно обнаруживали ситуации столкновения «своего» и «чужого», постоянные контакты различных культур и этносов. В этом отношении Вольный Дон как пространство, воссоздаваемое в художественной литературе, отличается национально-культурной спецификой, которая к тому же обуславливает и развитие значимых событий в донской истории как в истории «порубежья», так и в историческом процессе России.

По мысли Д. И. Петрова (Бирюка), казачья община характеризуется архетипической формой служения «всей русской святой земле», что наиболее емко проявляется в защите границ и целостности государства. Однако при этом казачье войско само решает, когда следует начинать наводить порядок и где это делать, иными словами, казаки пытаются сохранять самостоятельность в принятии кардинально важных решений. Например, главный герой романа Кондрат Булавин говорит: «Раз назначили идти в поход, надобно с радостью

идти, мы – русские люди и должны защищать святую Русь до последней кровинки, ежели на нее враг посягает... Голову за нее не жалко положить... Ежели ты не пойдешь, я не пойду, Мишка с Ванькой не пойдут – так кто ж тогда пойдет воевать? Ежели никто не пойдет, то враг нашу землю заберет, измываться над нами станет, своими холопами поделает... Нет, Гришка, не моги больше такие слова говорить. Иди повоюй, с честью-славой возвращайся на тихий Дон» (Петров (Бирюк), 1965, с. 109).

Герой фронта в данном случае демонстрирует специфические национальные черты, которые обусловлены самим отношением к донской земле и к России в целом. Ему свойственно стремиться к гражданскому служению, которое выражается и в сохранении духовных основ и национальных традиций, в преданности родине и готовности ее защищать. Интересно, что герой ясно осознает необходимость отражения этой верности родине и во внешних символах (например, в построении храма): «Ладно, атаманы-молодцы, – сказал он, – за службу вашу верную мне и отчизне своей помогу вам построить храм богоугодный... Да такой, атаманы-молодцы, храм, что и в Москве бы ему пристойно стоять. Построим храм такой, что и крепостью вам он при нужде послужит. Каменный, с бойницами. На случай чего, чтоб в нем можно не токмо петь, но и десять лет от басурманов отсидеться... Сам набросаю чертежи...» (Петров (Бирюк), 1965, с. 30).

Отметим, что герои пространства порубежья отчетливо осознают, что их судьба и жизнь зависят и от верности устоявшимся традициям: например, Митька Туляй проводит обряд посажения на коня, который является одним из центральных в культуре казачества: «Когда ребенку исполнилось сорок дней, Митька попросил у соседа жеребца. Вынув сына из люльки, он посадил его на коня и приладил сбоку саблю. <...> Турчанка взялась за чумбур и повела лошадь. Митька с гордостью держал в своей огромной руке над конем нежное розовое тельце ребенка. Жеребец танцевал, ребенок надрывался в плаче. Казаки, выглядывая из куреней, одобрительно кивали Митьке. Митька ухмылялся, довольный. Беглый поп отслужил молебен в часовне в честь великомученика Иоанна-воина, прося святого сделать Митькиного сына настоящим воином, добрым казаком. Привезя сына домой, Митька, как полагается по казачьему обычаю, подстриг ему волосы в кружок. Передав ребенка матери, низко поклонился ей. <...> Пришли казаки поздравлять, принесли сыну подарки: порох, стрелы, лук, саблю» (Петров (Бирюк), 1965, с. 100-101). Очевидно, Митька Туляй очень гордится тем, что он следует казачьим обычаям, а реализация культурного кода (*подстриг волосы в кружок, низко поклонился матери своего сына – турчанке*) необходима герою для участия в поддержании единства казачьей общины (*пришли казаки поздравлять, принесли сыну подарки*).

Для героя фронта закономерной чертой является сопротивление государству как началу, подавляющему личную волю: бежавшие на Дон ищут в казачьем братстве существования в гармонии со свободной волей, которая не испытывает государственного давления. Иными словами, это тот общественный строй, при котором можно существовать без принуждения сверху: «– Земля должна отойти к вам. Она ваша! И травы ваши и леса. Все надобно разделить по душам... Поделить надобно между вами и хлебец господский... Вот разобьем амбары лопухинские и раздадим.

– Ваша власть, мирская! – внушительно крикнул Митька. – Выбранная всем миром... Небось слышали, мужики, что делается у нас на Дону, да не токмо на Дону, по всей Расеюшке-матушке, а?... Наш-то атаман Кондратий Афанасьевич Булавин весь русский православный народ поднял супротив бояр, господ да лихих людишек бьет и жгет, по всей Руси ставит власть народную, из самого народа, стало быть, без господ и чиновных подлых людишек... Везде по Святой Руси будет ваша выборная власть служить вам верой и правдой... Вот давайте зараз и у вас атамана выберем. Будет он вами управлять по справедливости, без обид всяких...» (Петров (Бирюк), 1965, с. 369-370).

Кондрат Булавин наделен чертами, выделяющими его из ряда других людей. При этом Кондрат Булавин ставится все же в один ряд с другими донскими «атаманами-молодцами», как, например, Лукьян Максимов, однако это герой фронта, и облик его строится в соответствии с романтическим пониманием историзма и национальной специфики: «В дверях стоял высокий, стройный казак в бархатном, вишневого цвета кафтане. Вид у него был щеголеватый, бравый. Широкий пояс, подбитый голубым бархатом, расшитый золочеными нитками и украшенный камнями, туго охватывал его стан. На поясе, на серебряных застегках, висела кривая турецкая сабля с белой костяной ручкой. Казаку было лет под сорок. Смуглое красивое лицо его было бронзовым от загара. Мягкая черная бородка обрамляла худощавые щеки» (Петров (Бирюк), 1965, с. 8). Д. И. Петров (Бирюк) детально описывает внешний облик главного героя с тем, чтобы читатель смог воссоздать в своем воображении портрет Кондрата Булавина как личность самодостаточную, способную на волевые решения и беспримерную храбрость (*вид у него был щеголеватый, бравый*).

Причиной булавинского восстания в романе становится договор атаманов убить князя Юрия Владимировича Долгорукого, однако именно волнения бахмутских солеваров дают повод Булавину полагать, что у него будет сила, которую можно поднять против Долгорукого. Масштаб свой восстание приобретает в результате стечения обстоятельств и ряда интриг со стороны «домовитых» казаков, наделенных властью и использующих ее в своих целях, в особенности войскового старшины Ильи Зерщикова. Но, укрепившись во главе движения, Булавин сам выбирает стать защитником беглых казаков, несмотря на свое потомственное казачье происхождение и принадлежность к «домовитым», он на стороне традиционных прав и свобод казачества, на стороне притесняемого народа: «Теперь Кондрат окончательно порвал с домовитыми казаками. Гневная, возмущенная волна угнетенного народа подмыла и понесла его в своем круговороте. Он стал на сторону народа. Как умный человек, он понял, что дело теперь не в отстаивании казачьих вольностей, а в гораздо большем: в ожесточенной

борьбе народа со своими угнетателями – боярами, помещиками, прибыльщиками – за свои права» (Петров (Бирюк), 1965, с. 276). Ясно, что эволюция героя обусловливается пространством фронта: земля завоевываемая требует освоения с позиций принадлежности Российскому государству и русской культуре. Однако верность Богу и служение справедливости выше служения конкретному царю, поэтому пространство фронта и эволюция героя в нем получают у Д. И. Петрова (Бирюка) дополнительный этический потенциал: герой борется не только против конкретных врагов, чей образ жизни не соответствует понятию нравственности, но и против самого угнетения, пытаясь построить на Вольном Дону идеальное общество.

Во второй части романа Кондрат Булавин наиболее полно осознает свою силу и влияние, его начинают посещать тщеславные мысли о том, что установит он со своими людьми народную власть в стране, и Русь выберет его. Теперь Кондрат движим не желанием мести за личную обиду и предательство, а мыслью общенародной борьбы с угнетателями в масштабах государства. Казаки чувствуют масштаб этого предприятия, пускают слух, что «великого государя и царевича вживе нет», а управляют всем бояре и немцы. Так выстраивается образ «злодея», с которым надо сражаться, но при этом Петр I к врагам народным не причисляется.

Кондрат Булавин проходит эволюцию от человека, пекущегося о благе своем и своей общины, который изначально хочет только отнять у изюмских казаков бахмутские солеварни, к тому, кто готов взять на себя ответственность за жизни людей, которых он ведет за собой. Герой воспринимает себя как лидера освободительного народного восстания, ведущего доверившихся ему казаков и крестьян к лучшей жизни.

Художественное пространство, воссоздаваемое в романе Д. И. Петрова (Бирюка), характеризуется национально-культурными особенностями, которые во многом становятся основанием донской истории как истории «порубежья», что позволяет считать Вольный Дон пространством фронта. Отчетливое осознание героями фронта значимости верности национальным традициям, православию и казачьим обычаям определяет жизненный путь персонажей. Д. И. Петров (Бирюк) придает развитию образа Кондрата Булавина этический ракурс: эволюция героя демонстрирует движение от личной выгоды к всеобщему благу.

Заключение

Проведенное исследование эволюции героя в пространстве фронта на материале романа Д. И. Петрова (Бирюка) «Кондрат Булавин» позволило прийти к следующим выводам.

Категория художественного пространства, воплощаемая в художественной литературе через пространственные модели, является фундаментом реализации феномена фронта. Наиболее важным в этой связи предстает художественный модус границы, позволяющий включить в сферу изучения архетипическую оппозицию «свой – чужой». Миф о ценности личности и ее независимости, о стремлении к возможно более эффективному осуществлению жизненного пути героя фронта реализуется в русской литературе в обращении к проблематике культурного кода, к образам национальной культуры, противопоставляемой инокультурным явлениям. Герой в ситуации столкновения различных культурных пространств, даже не действующий в географическом «порубежье», также может быть охарактеризован как герой фронта.

Для донской литературы и, в частности, для художественного мира романа «Кондрат Булавин» характерно обращение к идее гражданского служения казачества всей русской земле, получающей объективацию в защите границ и целостности России. При этом особое значение приобретает тема сохранения самостоятельности Вольного Дона в выборе времени и средств поддержания порядка, а также в принятии важных решений. Идеино-тематическая сфера сохранения духовных основ и национальных традиций получает выражение в соблюдении обрядов и внешней символики, а также православной веры.

Характеристики Кондрата Булавина как героя фронта свидетельствуют о растворении его индивидуальности в коллективной воле казаков, его внешний облик воссоздается в соответствии с принципами романтизма. Эволюция героя романа Д. И. Петрова (Бирюка) представляет собой постепенное изживание индивидуализма и стремления к благу собственной общины, ведущее к приоритету интересов своих сподвижников и принятию ответственности за тех, кто доверяет Кондрату Булавину свою жизнь. Герой становится лидером народного восстания, целью которого является обретение лучшей жизни. Верность государственной власти перестает быть важной, т. к. герой фронта служит высшим идеалам – свободе, чести, равенству, а не конкретному царю.

Перспективы исследования заключаются в широких возможностях изучения региональных литератур Дона, Кубани, Ставрополя, многообразно реализующих феномен фронта как на уровне хронотопа и событийности, так и на уровне образов персонажей. Перспективной представляется и концептуализация понятия *фронт*, а также типология фронта в литературоведческих исследованиях. Особое значение может также иметь проецирование концепции фронта на изучение процессов развития постсоветской культуры и литературы на основании, возможно, более четкого отграничения феномена фронта от других, сходных с ним, явлений.

Материалы исследования | Research materials

1. Аматауни П. В думах о Родине // Вечерний Ростов. 1960. 18 октября.
2. Петров Д. И. (Бирюк). Кондрат Булавин: исторический роман. М.: Московский рабочий, 1965.
3. Трофимов В. М. Творчество Д. И. Петрова (Бирюка): критико-биографический очерк. М.: Московский рабочий, 1976.

Источники | References

1. Александров Ф. Исторический роман и его критика // Новый мир. 1948. № 8.
2. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5.
3. Александрова-Осокина О. Н. Образ «дальневосточного фронта» в лирике П. С. Комарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. <https://doi.org/10.30853/phil20230553>
4. Аникин Д. А. Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 2 (18).
5. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012а. № 2.
6. Басалаева И. П. Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012b. № 21.
7. Васильева Т. В. Образы инокультурных персонажей в литературе восточного фронта второй половины XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2025а. Т. 27. № 1.
8. Васильева Т. В. Основные топосы фронтирного хронотопа в литературе XIX века // Язык как структура и дискурсивная практика. 2025b. № 1 (8).
9. Ващенко А. В. Фронт / История литературы США: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 1999. Т. 2. Литература эпохи романтизма / редкол.: А. М. Зверев (отв. ред.), М. В. Тлостанова.
10. Забияко А. П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11.
11. Иванова И. Н. Геоэтика новейшей отечественной литературы: опыты художественного освоения городского пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (50).
12. Карпухина В. Н. Образ «Сибирского фронта» в публицистике Алтая начала XX века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2.
13. Коломейцева М. А., Команджаев А. Н. Образ человека фронта на примере иногороднего крестьянства Дона // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 3 (27).
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Развитие личности. 2017. № 1.
15. Панарина Д. С. Феномен фронта в культуре Америки и России: США и Сибирь: дисс. ... к. культ. М., 2011.
16. Побережников И. В. Фронтирная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы XIV Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 16-17 ноября 2020 г.): в 2 т. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. Т. 1.
17. Подлесная М. А., Шевченко О. К. Фактор фронтирности в формировании образа героя в российском обществе // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 3.
18. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2.
19. Тумилевич Ф. За землю, за волю... // Дон. 1961. № 8.
20. Тюрин А. В. Как создавалась Россия: русский фронт. М.: Вече, 2018.
21. Уракова А. П. «Индийские дары»: сюжет о межрасовой розни и образ белого мстителя в литературе американского фронта // Вопросы литературы. 2019. № 2.
22. Шиловский М. В. Освоение российского Дальнего Востока в XIX – начале XX века в рамках теории фронта // Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сб. науч. ст. / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021.
23. The Frontier in American Literature / ed. by Ph. Durham, E. Jones. N. Y.: Odyssey Press, 1969.

Информация об авторах | Author information

RU Кузнецова Анна Владимировна¹, д. филол. н., проф.
Серкина Мария Александровна²
^{1, 2} Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

EN Anna Vladimirovna Kuznetsova¹, Dr
Maria Alexandrovna Serkina²
^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ avkuznetsova@sfedu.ru, ² serkina@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.02.2026; опубликовано online (published online): 10.03.2026.

Ключевые слова (keywords): художественное пространство фронта; роман «Кондрат Булавин»; эволюция героя; культурный код; идея гражданского служения; Д. И. Петров (Бирюк); fictional space of the frontier; novel “Kondrat Bulavin”; protagonist evolution; cultural code; idea of civic service; D. I. Petrov (Biryuk).